

*Этот роман посвящается колледжу Уобаи —
его студентам, профессорам и преподавателям,
его наследию*

А между тем воображенье
Мне шлет иное наслажденье:
Воображенье — океан,
Где каждой вещи образ дан;
Оно творит в своей стихии
Пространства и моря другие;
Но радость пятится назад
К зеленым снам в зеленый сад.

*Эндрю Марвелл. Сад
(Перевод Г. Кружкова)*

Можно, что хочешь, добыть — и коров, и овец густорунных,
Можно купить золотые треноги, коней златогривых, —
Жизнь же назад получить невозможно; ее не добудешь
И не поймашь, когда чрез ограду зубов улетела.

*Ахиллес в «Илиаде» Гомера
Песнь девятая, 406–409
(Перевод В. Вересаева)*

Больное сердце, ждет, чтоб укусить.

*Калибан в поэме Роберта Браунинга
«Калибан о Сетебосе»
(Перевод Э. Ермакова с изменениями)*

Благодарности

Хотя при подготовке к работе над этим романом я обращался ко многим переложениям «Илиады», мне хотелось бы особенно отметить следующих переводчиков: Роберта Фэглса, Ричмонда Латтимора, Александра Поупа, Джорджа Чепмена, Роберта Фицджеральда и Аллена Мандельбаума. Их переводы бесконечно красивы, а их талант превосходит мое воображение.

Из тех, чья поэзия и художественная проза на тему «Илиады» помогли в создании этой книги, я должен в первую очередь назвать У. Х. Одена, Роберта Браунинга, Роберта Грейвса, Кристофера Лога, Роберта Лоуэлла, а также Альфреда Теннисона.

За исследования и комментарии к творчеству Гомера огромное спасибо Бернарду Ноксу, Ричмонду Латтимору, Малкольму М. Уилкоку, А. Дж. Б. Уейсу, Ф. Х. Стаббингзу, К. Кереньи и другим членам Гомеровской школы, которых слишком долго было перечислять.

За глубокие замечания по поводу Шекспира и поэмы Браунинга «Калибан о Сетевосе» я признателен Гарольду Блуму, У. Х. Одену, а также издателям «Нортоновской антологии английской литературы». Читателям, желающим глубже разобраться в оденовской интерпретации «Калибана о Сетевосе» и прочих аспектах личности Калибана, я советую обратиться к труду Эдварда Мендельсона «Поздний Оден».

Размышления Манмута о сонетах Шекспира в основном направлялись великолепным «Искусством шекспировских сонетов» Хелен Вендлер.

Многие замечания Орфу с Ио, относящиеся к Марселю Прусту, вдохновлены сочинением Роберта Шаттука «Дорога Пруста. Путеводитель по книге „В поисках утраченного времени“».

Читателям, которые захотят подражать Манмуту в его страстном увлечении Шекспиром, могу посоветовать обратиться к замечательным трудам «Шекспир. Изобретение человека» Гарольда Блума, «Я и Шекспир. Приключения с Бардом» Германа Голлоба и «Жизнь Шекспира» Парка Хонана.

За подробные карты Марса (до терраформирования) я в большом долгу перед НАСА и Лабораторией реактивного движения. Очень помогла при создании книги научная работа «Постигая тайны Красной

планеты», опубликованная Национальным географическим обществом, под редакцией Пола Рэбурна, с предисловием и комментариями Мэтта Голомбека. Богатым источником необходимых подробностей стал для меня журнал «Сайнтифик Америкэн». Особенно я признателен за следующие статьи: «Затерянный океан Европы» Роберта Т. Паппалардо, Джеймса У. Хеда и Рональда Грили (октябрь 1999), «Квантовая телепортация» Антона Цайлингера (апрель 2000) и «Как построить машину времени» Пола Дэвиса (сентябрь 2002).

И наконец, спасибо Клее Ричардсон за подробное объяснение, как построить самодельную плавильную печь с деревянным куполом.

От автора

В детстве, когда мы с братом доставали солдатиков из коробки, то запросто выстраивали рядом с синими и серыми участниками Войны Севера и Юга бойцов Второй мировой в хаки. Я предпочитаю видеть в этом ранний пример того, что Джон Китс называл «отрицательной способностью». (Еще у нас были викинг, индеец, ковбой и римский центурион, который бросал гранаты, но они воевали за Патруль времени. Некоторые несоответствия требуют того, что в Голливуде именуют «предысторией».)

Однако в случае «Илиона» я решил по возможности держаться единообразия. Те, кто, как я, заглядывал в великолепный перевод «Илиады» Ричмонда Латтимора (1951), заметят, что *Hektor*, *Achilleus* и *Aias* зовутся здесь *Hector*, *Achilles* и *Ajax* (Большой и Малый). И тут я согласен с Робертом Фэглсом, переложившим Гомера на английский в 1990 году: более латинизированные варианты, конечно, далековато ушли от греческого оригинала, но более точные версии звучат так, будто кошка отрыгивает комок шерсти. Как указывал Фэглс, никто не может притязать на полное единообразие, а текст читается лучше, если вернуться к обычной практике наших поэтов и перейти на латинское — или даже современное английское — написание имен богов и героев.

Исключения, опять же по Фэглсу, составляют те случаи, когда вместо Одиссея вдруг возникает Улисс или, скажем, вместо Афины — Минерва. У Александра Поупа, дивно переложившего «Илиаду» пятистопным ямбом, Юпитер запросто может задать трепку Аресу (не Марсу); моя личная «отрицательная способность» отказывается такое принять. Похоже, иногда лучше играть в солдатиков одного цвета.

Примечание: тем, кто, как я, с трудом запоминает имена богов, богинь, героев и прочих эпических персонажей и нуждается в шпаргалке, советую заглянуть в список действующих лиц, с. 627 и далее.

Илионская равнина

Гнев.

Пой, о Муза, про гнев Ахиллеса, Пелеева сына, мужеубийцы, на смерть обреченного, гнев, который ахейнам тысячи бедствий содеял и многие души могучие славных героев низринул в мрачный Дом Смерти. И раз уж открыла ты рот, о Муза, пой и про гнев богов, столь раздраженных и сильных на этом их новом Олимпе; а еще про гнев постлюдей, пусть и ушедших от нас, и, конечно, про гнев горстки людей настоящих, пусть и давно поглощенных собой и уже ни к чему не пригодных. Пока ты распелась, о Муза, воспой также гнев тех суровых созданий, разумных и мыслящих, но на-людей-не-похожих, забывшихся сном подо льдами Европы, умирающих в серном пепле на Ио, рожденных на Ганимеде, в холодных каньонах.

Чуть не забыл я, о Муза, воспой и меня, злополучного, что возрожден-сам-того-не-желая, несчастный и мертвый, Том Хокенберри, филологии доктор, для близких друзей Хокенбуш — для друзей, давно обратившихся в прах, из безумного мира, того, что остался в далеком-далеком прошлом.

Пой же и мой гнев, пусть ничтожен и слаб он рядом с яростью тех, кто бессмертен, или того же Ахиллеса-мужеубийцы.

Впрочем, я передумал, о Муза, не пой мне. Я тебя знаю. Я был твоим пленным, слугой, о несравненная стерва. Больше тебе я не верю. Нисколько.

И раз уж я невольно стал Хором этой истории, то начну ее, где сам пожелаю. А пожелал я начать ее здесь.

День как день, один из многих за те девять лет, что миновали после моего второго рождения. Просыпаюсь в казармах схолии — там, где красный песок, лазурное небо и огромные каменные лица, — получаю вызов от Музы, кровожадные цербериды обнюхива-

ют меня и пропускают, хрустальный высокоскоростной эскалатор возносит меня к зеленым вершинам Олимпа — это семнадцать миль в высоту по восточному склону, — после доклада вхожу на пустую виллу хозяйки, выслушиваю отчет предыдущей смены, надеваю морфобраслет, непробиваемые доспехи и с тазером за поясом квитируюсь на вечернюю Илионскую равнину.

Вы когда-нибудь пытались представить себе осаду Трои? Если да, то я, как профессионал, только этим и занимавшийся целых двадцать лет, должен уверить: воображение вас подвело. Меня тоже. Правда жизни во много раз чудесней и ужасней того, что показал нам вещий слепец.

Прежде всего поражает сам город — Илион, или Троя, огромный укрепленный полис Древнего мира. Отсюда, с побережья, где я нахожусь, до него две с лишним мили — и все же мне отчетливо видны гордые стены на возвышении, озаренные тысячами факелов и костров, круглые башни, не такие безверхие, как уверял Марло, но все равно исполинские, чуждые, ошеломляющие.

Боевой лагерь ахейцев, данайцев и прочих завоевателей — строго говоря, они не «греки», до возникновения этого народа ждать еще две с лишним тысячи лет, но я все равно буду называть их греками — растянулся у моря на многие мили. Рассказывая студентам о Троянской войне, я всегда отмечал: при всем своем гомеровском величии Троянская война, вероятно, была довольно мелким столкновением — несколько тысяч греков против нескольких тысяч троянцев. Даже самые знающие члены *схольии* (сообщества комментаторов «Илиады», существовавшего две тысячи лет назад), исходя из текста поэмы, делали вывод, что на черных кораблях к этим берегам приплыли не более пятидесяти тысяч ахейцев и других греков.

Так вот, они заблуждались. По нынешним оценкам осаждающих более четверти миллиона. Осажденных, вместе с их союзниками, примерно половина этого числа. Очевидно, каждый герой с греческих островов поспешил на битву — поскольку битва означала грабеж, — захватив с собой воинов, союзников, приближенных, рабов и наложниц.

Зрелище поражает: мили и мили освещенных шатров, частоколов, мили рвов, пробитых в твердой почве, — никто не собирается отсиживаться в окопах, это лишь преграда для троянской конницы, — и на всем их протяжении полыхают, бросая отблески на лица, вспыхивая бликами на полированных клинках и яр-

ких щитах, костры для освещения, для приготовления пищи и для сожжения трупов.

Погребальные костры.

Вот уже несколько недель, как в греческий стан запустила шупальца смертоносная зараза; сперва погибали одни лишь мулы и собаки, но затем мор перекинулся на людей: тут сляжет боец, там слуга, и наконец недуг разбушевался в полную силу. За десять дней умерло больше храбрых ахейцев и данайцев, чем за долгие месяцы войны. Я подозреваю, что это тиф. Греки убеждены, что причина бед — ярость Аполлона.

Видел я его — и здесь, и на Олимпе. Правда, приблизиться не рискнул. На редкость злобная рожа. «Дальноразящий» Аполлон — бог лучников и целителей, а заодно и всяческих болезней. Мало того, главный божественный союзник Трои в нынешней войне. Будь его воля, ахейцы давно бы уже повымирили. Так что не важно, откуда пришла угроза: от рек ли, полных разлагающейся плоти, или от крылатых стрел Аполлона, — в одном греки правы: он не желает им доброго здравия.

Прямо сейчас ахейские вожди и владыки — а кто из этих доблестных героев не вождь и не владыка в своей земле и в собственных глазах? — идут на общий совет у шатра Агамемнона, чтобы обсудить, как избавиться от губельной напасти. Я тоже шагаю туда — медленно, с неохотой, как будто нынче не самый великий день за всю мою вторую жизнь, стоивший девяти с лишним лет ожидания. Ведь именно сегодня по-настоящему начинается гомеровская «Илиада».

Нет, мне, конечно, уже удавалось видеть отдельные происшествия, смещенные волей поэта во времени. К примеру, так называемый «Список кораблей»: собрание и исчисление греческих военных сил, описанное в песни второй. На самом деле сбор имел место девять лет назад, в Авлиде — на берегу пролива между Эвбеей и материковой Грецией. А Эпиполесис, обход войск Агамемноном, упомянутый в песни четвертой? Я лично наблюдал это событие вскоре после высадки ахейцев у стен Трои, а затем и то, что называл в своих лекциях «Тейхоскопия», то есть «взгляд со стены», когда Елена указывает Приаму и прочим троянским военачальникам различных ахейских героев. Тейхоскопия происходит в третьей песни поэмы, однако в настоящем ходе событий она последовала сразу за высадкой и Эпиполесисом.

Если можно говорить о настоящем ходе событий.

Во всяком случае, сегодня у нас совет в шатре Агамемнона и его ссора с Ахиллесом. Тут начинается «Илиада», и, казалось бы, весь мой профессиональный интерес должен быть направлен на это событие. Да только мне плевать. Пусть хорохорятся и выпускают друг перед другом перья. Ну вытащит Ахиллес свой меч... Хотя нет, на такое даже я бы взглянул. Интересно, вправду ли Афина явится остановить спорщика, или это лишь образное выражение для описания нежданно-негаданно проснувшегося здравого смысла? Прежде я отдал бы жизнь за ответ, и вот теперь, когда ждать осталось считанные минуты... Мне решительно и бесповоротно на-пле-вать.

Девять долгих лет мучительно возвращающихся воспоминаний, беспрестанной войны и наблюдений за доблестным выпендрежем, не говоря уже о рабстве у бессмертных богов и Музы, сделали свое дело. Знаете, я заплясал бы от счастья, прилети сюда В-52 и сбрось атомную бомбу на головы ахейцев и троянцев, вместе взятых. Пошли они на хрен, эти герои вместе с их деревянными колесницами.

И тем не менее я плетусь к шатру Агамемнона. Это моя работа — следить за всем и отчитываться перед Музой. Иначе... Что ж, зарплату за простой не урежут. Скорее боги сократят меня самого — до горстки костяных обломков и праха, содержащего ДНК, из которой я был воссоздан. И тогда уж, как говорится, поминай как звали.

2

Холмы Ардис. Ардис-Холл

Реализовавшись из факса неподалеку от дома Ады, Даэман недоуменно заморгал при виде багрового солнца над горизонтом. Ясное небо горело закатом меж исполинских деревьев по краю цепочки холмов. Отблески зарева полыхали в кобальтовой выси, отражаясь на каждом из величаво вращающихся колец — экваториальном и полярном. Даэман был сбит с толку: в Уланбате, где он недавно праздновал Вторую Двадцатку Тоби, стояло раннее утро, а здесь... Аду он не навещал уже много лет, да и вообще, отправляясь куда-либо, не знал, на какой материк или в какой временной пояс планеты угодит. Он помнил лишь, где живут самые близкие друзья, у которых бывал чаще всего: Седман — в Париже, Ризир — в собственном доме на скалах Чом, Оно — в Беллинбаде... Впрочем, Даэман не знал ни расположения материков, ни их названий, не имел понятия о географии или часовых поясах, поэтому не тяготился своим неведением.

И все-таки. С этим факсом он потерял целый день. Или выиграл? Во всяком случае, местный воздух пах иначе: терпко, влажно, более дико, что ли.

Даэман огляделся. Обычный факс-узел: пермобетонный круг под ногами и узорчатые железные столбы, увенчанные желтой хрустальной перголой, и, разумеется, ближе к центру на столбике всегдашняя табличка с непонятными значками. Больше ничего — только трава, деревья, далекая речка и медленное вращение обоих колец, пересекающихся над головой, словно арматура громадного, медленного гироскопа.

Был теплый вечер, более влажный, чем в Уланбате. Факс-узел стоял на лугу в окружении пологих холмов. Шагах в тридцати ожидала старинная двухместная одноколка, над ее передком парил столь же древний сервитор, а между деревянными дышлами

стоял одинокий войникс. М-да, за десять лет можно было и подзабыть варварские неудобства здешней жизни. Что за глупая фантазия: жить на удалении от факс-узла.

— Даэман-ур? — осведомился сервитор, хотя и сам знал, кто перед ним.

Даэман промычал в ответ и указал на выдавший виды сакво-яж. Маленький слуга подлетел ближе и, подцепив багаж затупленными бивнями, легко поставил его в грузовое отделение одноколки, куда гость забирался на сиденье.

— Ждем еще кого-нибудь?

— Нет, вы последний, — отозвался сервитор.

После чего зажуужал, занял полукруглую нишу возницы и звонким щелчком отдал команду. Войникс тут же впрягся и потрусил на закат, поднимая слабые облачка пыли над усыпанной гравием дорожкой. Даэман откинулся на удобную спинку из зеленой кожи, обхватил ладонями щегольскую трость и приготовился наслаждаться поездкой.

К черту разговоры о дружеских визитах: он прибыл сюда не навестить Аду, а соблазнить ее. Собственно, в этом и заключалось его занятие — прельщать юных женщин. И еще коллекционировать бабочек. Разница в возрасте (Аде было двадцать с небольшим, Даэман приближался ко Второй Двадцатке) совершенно не смущала его. Как и близкое родство с девушкой. Запрет на кровосмешение давным-давно исчез. Даэман слыхом не слыхивал про «дрейф генов», а если бы и слышал, то доверил бы лазарету это исправить. В лазарете исправляют все.

Даэман посетил Ардис-Холл десять лет назад с целью обольстить кузину Вирджинию — из чистой скуки, ведь эта кикимора выглядела страшнее войникса. Тогда-то он и увидел Аду обнаженной. Блуждая по нескончаемым коридорам в поисках Оранжеи для завтраков, он нечаянно оказался рядом с Адиной комнатой. За приоткрытой дверью стояло высокое, слегка рябое зеркало. В мутной поверхности отражалась девушка, обтиравшаяся губкой над тазом. Она была совершенно голой, и лицо ее выражало легкую скуку: как он узнал, излишняя чистоплотность не относилась к длинному списку ее особенностей. Зрелище юной женщины, только-только вышедшей из кокона детской невинности, заморозило Даэмана, которому в ту пору было чуть больше, чем Аде сейчас.

Даже тогда, когда в ее бедрах и грудях с бутонами сосков еще чувствовалась детская пухлость, — на нее стоило полюбоваться. Белая кожа (сколько бы она ни оставалась на солнце, ее лицо всегда сохраняло мягкую молочную белизну), серые глаза, малиновые губы, черные волосы — воплощение эротической мечты дилетанта. Культурная модель предписывала женщинам брить подмышки, но юная Ада (и Даэман искренне надеялся, что и нынешняя тоже) обращала на это требование не больше внимания, чем на все прочие. В огромном зеркале тогда (и пришипленное булавкой в коллекционной коробке его памяти теперь) застыло еще детское, но уже роскошное тело, тяжелые бледные груди, молочная кожа, живые глаза, и всю эту белизну оттеняли четыре росчерка черных волос — вопросительный знак вьющихся локонов, которые она небрежно подкалывала вверх, когда не играла (а играла она почти все время), пара запятых под мышками и восхитительный, еще не оформившийся в дельту восклицательный знак, уходящий в сумрак между бедрами.

Одноколка несла седока прямо к цели. Даэман блаженно улыбался. Он не знал, отчего Аде вздумалось пригласить его после стольких лет и даже чью Двадцатку здесь отмечают, но не сомневался, что соблазнит ее до того, как вернется к настоящей жизни: к раутам, долгим визитам и случайным интрижкам с более светскими дамами.

Войникс легко трусил вперед, шуршал под его ногами гравий, ненавязчиво гудели старые гироскопы повозки. В долину тихо заползали вечерние тени, однако узкая дорожка вывела на гребень холма, и гость успел разглядеть половинку заходящего солнца до того, как опять съехал в полумрак, на просторные поля, засеянные каким-то невысоким злаком. Заботливые сервиторы порхали над колосьями, и Даэману подумалось, что они похожи на левитирующие крокетные мячики.

Дорога свернула влево, к югу, пересекла безымянную речушку по крытому деревянному мосту, серпантином поднялась по крутому склону и вошла под своды старого леса. Даэман смутно помнил, что охотился за бабочками в этом древнем лесу вечером того дня, когда увидел в зеркале голую Аду. Тогда он поймал у водопада редкую разновидность траурницы, и в памяти восторг коллекционера смешался с волнением при виде белого девичьего тела

и черных волос. Даэман помнил, как глянуло на него отражение Ады, когда та подняла глаза, — без гнева или радости, без стыдливости, но и не бесстыдно, равнодушно и с легким научным интересом. Ада смотрела на охваченного вожделением двадцатисемилетнего Даэмана, примерно как сам Даэман разглядывал пойманную траурницу.

Повозка приближалась к Ардис-Холлу. Под древними дубами, ясенями и вязами на вершине было темно, но вдоль дороги горели желтые фонари, а линии цветных огоньков за деревьями, возможно, обозначали тропы.

Войникс выбежал из леса, и впереди открылся сумеречный вид. От сияющего огнями Ардис-Холла на холме расходились во все стороны гравийные дорожки; на четверть мили от дома до следующего леса тянулся луг, вдалеке поблескивала река, ловя догорающий закат, а в просвете между холмами на юго-западе проглядывали другие холмы, заросшие лесом, черные, без единого огонька, за ними — третьи, и так далее, пока темные вершины не сливались с темными тучами на горизонте.

Даэман поежился. До этой минуты он и не вспоминал, что дом стоит рядом с динозавровыми лесами этого континента — уж как он там называется. Весь прошлый приезд Даэман жил в страхе, хотя Вирджиния, Ванесса и прочие хором уверяли, что на пятьсот миль от Ардис-Холла опасных динозавров нет. (Все, кроме пятнадцатилетней Ады, — она просто смотрела на него изучающим, чуть насмешливым взглядом; позже Даэман узнал, что это ее всегдашнее выражение.) Тогда на прогулку его выманивали только бабочки, теперь не выманят и они. Хотя рядом сервиторы и войниксы, бояться нечего, но мало радости быть съеденным вымершей рептилией, а потом очнуться в лазарете с памятью об этом унижении.

Исполинский вяз на склоне под домом украшали десятки фонарей. Факелы горели вдоль подъездной аллеи и гравийных дорожек из дома во двор. У живых изгородей и вдоль темного леса стояли войниксы-охранники. Под старым вязом был накрыт длинный стол, пламя факелов трепетало на вечернем ветру, и некоторые гости уже сошлись к ужину. Даэман с удовольствием сноба отметил, что большинство мужчин по старинке облачены в грязновато-белые хламиды, бурнусы и парадные накидки землистых тонов: в более значимых кругах, к которым он принадлежал, этот стиль вышел из моды несколько месяцев назад.

Одноколка мягко подкатила к парадному входу Ардис-Холла и остановилась в снопе желтого света из дверей. Войникс распрягся и опустил дышла так бережно, что седок не ощутил ни малейшего толчка. Легкий сервитор подлетел забрать багаж. Даэман радостно ступил на твердую почву: после факса у него до сих пор кружилась голова.

Ада выбежала из двери и бросилась по лестнице ему навстречу. Даэман застыл, глупо улыбаясь. Ада была не просто красивее, чем он помнил; она была красивее, чем он мог вообразить.

Илионская равнина

Греческие предводители сошлись у шатра Агамемнона; вокруг полно заинтересованных зрителей, и ссора Агамемнона с Ахиллесом уже разгорается.

Нужно сказать, что сейчас я принял вид Биаса — не пилосского военачальника из дружины Нестора, а того, который служит Менесфею. Бедный афинянин болеет тифом и, хотя выздоревает, чтобы сражаться в песни тринадцатой, сейчас почти не выходит из шатра, стоящего дальше на побережье. Биас — довольно значительная фигура, так что копейщики и зеваки почтительно расступаются, пропуская меня к внутреннему кругу собравшихся. Однако, по счастью, никто не ждет, что Биас примет участие в споре.

Я уже пропустил ту часть драмы, когда Калхас Фесторид, «превосходный гадатель», объявляет ахейцам, из-за чего разгневался Аполлон. Один из военачальников шепчет мне на ухо, что, прежде чем заговорить, Калхас потребовал у Ахиллеса защиты на случай, если народу и царям не понравится его речь. Ахиллес согласился, и Калхас сказал то, что и так отчасти подозревали: жрец Аполлона Хрис умолял вернуть ему пленную дочь, и отказ Агамемнона прогневал бога.

Агамемнон разозлился на Калхасово толкование. «Развонялся, только держись», — со смехом шепчет мой собеседник, дыша винными парами. Если не ошибаюсь, это Ор. Несколько недель спустя он падет от руки Гектора, когда герой-троянец начнет валить ахейцев направо и налево.

Ор говорит мне, что несколько минут назад Агамемнон согласился вернуть пленницу, Хрисеиду («Хоть она и дороже мне собственной жены Клитемнестры!» — крикнул Атрид), но взамен потребовал такую же красивую наложницу. По словам упивше-

гося в стельку Ора, Ахиллес в ответ обозвал Агамемнона корыстолюбцем и напомнил, что у аргивян, то бишь ахейцев, или данайцев — как только не кличут этих окаянных греков! — нет больше для него добычи. Когда-нибудь, если военная удача им улыбнется, пообещал мужеубийца Ахиллес, Агамемнон получит другую девицу, а пока пусть отдаст Хрисеиду отцу и заткнется.

— Тут Атрид поднял такую вонищу, что прямо сил нет! — Ор смеется во все горло, и несколько военачальников строго оборачиваются на нас.

Я киваю и внимательно смотрю вперед. Агамемнон, как обычно, в центре событий. Вот уж поистине прирожденный лидер — рослый, статный, борода завивается классическими колечками, брови полубога строго сведены над пронзительными глазами, умашенный маслом мускулистый торс облачен в изысканнейшие одеяния. Точно напротив него, посередине круга, стоит Ахиллес. Моложе, сильнее и даже красивее Агамемнона, Ахиллес почти не поддается описанию. Еще когда я впервые увидел его на смотре кораблей более девяти лет назад, то подумал, что передо мной самый богоподобный из множества богоподобных мужей, настолько впечатляли его мощь и величие. С тех пор я понял, что при всем этом Ахиллес туповат — своего рода бесконечно похорошевший Арнольд Шварценеггер.

Ахиллеса и Агамемнона окружают герои, лекции о которых я читал всю мою другую жизнь. Во плоти они ничуть не разочаровывают. Подле Агамемнона — но в закипающей ссоре явно не с ним — стоит Одиссей. Он на целую голову ниже Атрида, зато шире в груди и плечах и потому среди прочих греческих вождей кажется бараном среди овец. Ум и хитрость видны в его глазах и отпечатались в морщинах обветренного лица. Я ни разу не говорил с Одиссеем, но надеюсь поговорить до того, когда война закончится и он отправится в путешествие.

По правую руку от Агамемнона — младший брат Менелай, муж Елены. Жаль, что мне не дают доллар всякий раз, когда кто-нибудь из ахейцев вякает, что, мол, будь Менелай искуснее в постели («Был бы у него побольше», — сказал Диомед другу три дня назад, я стоял рядом и слышал), Елена не сбежала бы с Парисом в Илион и греческие герои не убили бы последние девять лет на эту треклятую осаду. Слева от Агамемнона стоит Орест — нет, конечно же, не избалованный наследник, тот остав-

лен дома, хотя в свое время отомстит за отца и заслужит отдельную трагедию, — а его тезка, верный копьеносец. Он падет от руки Гектора при следующей большой вылазке троянцев.

Рядом с Орестом я вижу Еврибата — вестника Атрида, не путать с Еврибатом — глашатаем Одиссея. Бок о бок с ним стоит Птолемеяев сын Эвримедон, красивый юноша, возница Агамемнона — не путать с куда менее красивым Эвримедоном, возницей Нестора. (Здесь я порою думаю, что охотно заменил бы все эти славные патронимы на несколько простых фамилий.)

К великодержавному Атриду присоединились нынче вечером предводители саламитов и локров — Большой и Малый Аяксы. Эти двое только именами и схожи: если один похож на белого полузащитника из Национальной футбольной лиги, то второй больше смахивает на карманника. Третий по значимости вождь аргивян Эвриал ни на шаг не отходит от своего босса Сфенела, который так ужасно шепелявит, что не может произнести собственное имя. Друг Агамемнона и главный военачальник аргивян, прямодушный Диомед тоже здесь. Сегодня он не весел, стоит, скрестив руки на груди, и смотрит в землю. Старец Нестор — «громогласный вития пилосский» — наблюдает за разгорающейся ссорой, и лицо у него еще мрачнее, чем у Диомеда.

Если все пойдет по Гомеру, через несколько минут Нестор произнесет знаменитый монолог, в котором безуспешно попытается пристыдить Агамемнона и Ахиллеса, пока их распря не сыграла на руку троянцам. И надо признаться, мне хочется его послушать. Хотя бы ради упоминания о древней битве с кентаврами. Меня всегда интересовали кентавры, и у Гомера Нестор говорит о них как о чем-то обыденном, а ведь во всей «Илиаде» из мифических существ упомянуты лишь они и химера. Пока же, в ожидании речи, я стараюсь не попасться Нестору на глаза, поскольку Биас, чей облик я принял, его подчиненный, и я не хочу, чтобы меня втянули в разговор. Впрочем, сейчас этого можно не опасаться: Нестор, как и остальные зрители, целиком занят пербранкой Агамемнона и Ахиллеса.

Возле Нестора, не примыкая ни к одному из вождей, стоят Менесфей (согласно Гомеру, Парис убьет его недели через две), Евмел (вождь фессалийцев из Феры), Поликсен (сопредводитель рати эпеев) с приятелем Фалпием, Фоас (военачальник этолийцев), Леонтей и Полипет в одеяниях, типичных для их родной

Аргиссы, а также Махаон и его брат Подалирий (за чьей спиной выстроились фессалийские командиры пониже рангом), дражайший друг Одиссея Левк (обреченный через несколько дней погибнуть от пики Антифа) и прочие герои, которых я за долгие годы научился узнавать не только в лицо, но даже по манере сражаться, бахвалиться и приносить жертвы богам. На случай если я еще этого не упомянул, собравшиеся здесь древние греки ничего не делают вполсилы — они в любом деле выкладываются на всю катушку, «с полным принятием рисков», как выразился один ученый в двадцатом веке.

Напротив Агамемнона, справа от Ахиллеса стоит его ближайший друг Патрокл (чья смерть от руки Гектора вызовет Гнев Ахиллеса и величайшую бойню в военной истории). Здесь же Глиполем, сын мифического Геракла, убивший дядю своего отца и бежавший из дома (этому молодому красавцу суждено пасть от копья Сарпедона). Между Патроком и Глиполем старик Феникс (добрый друг Ахиллеса и его бывший наставник) шепчется с Орсилохом Диоклидом, которого скоро убьет Эней. По левую сторону от разъяренного Ахиллеса стоит Идомея; из поэмы я не знал, что они такие близкие друзья.

Само собой, ахейцев во внутреннем круге гораздо больше. Я уже молчу о бесчисленной толпе за своей спиной, но ведь картина и так ясна, правда? Как в эпосе Гомера, так и в повседневной жизни на Илионской равнине безмянных героев нет. Каждый из них таскает за собой собственную историю, родину, отца, жен, детей и движимое имущество, прибегая к их помощи в риторических и военных стычках. Одного этого хватит, чтобы доконать простого гомероведа.

— Что ж, богоравный Ахиллес, вечно плутующий в кости, на поле сраженья и с бабами, теперь ты решил сплутовать со мной! — кричит Агамемнон. — Да только не выйдет! Ты получил невольницу Брисеиду, которая не уступает красой моей Хрисеиде. Ты, значит, сохранишь добычу, а мне прикажешь сидеть с пустыми руками? Не на такого напал! Да я лучше передам бразды правления... вон хоть Аяксу, или Идомею, или многомудрому Одиссею... или тебе... да, тебе... чем позволю так себя надуть!

— Валяй, передавай! — скалится Ахиллес. — Нам и впрямь нужен достойный предводитель!

Агамемнон багровеет.

— Отлично. Спускайте на море черный корабль с гребцами, возьмите Хрисеиду, если посмеете... Жертвы, о Ахиллес-мужеубийца, ты вознесешь сам. Но знай, я без добычи не останусь. Твоя прелестная Брисеида возместит мне потерю.

Красивое лицо Ахиллеса кривится от ярости.

— Наглец, одетый в бесстыдство и погрязший в алчности! Трусливая собачья образина!

Агамемнон делает шаг вперед, бросает жезл и берется за меч.

Ахиллес тоже делает шаг вперед и сжимает рукоять меча.

— Троянцы не причинили нам зла, Агамемнон, но причинил ты. Не троянцы, а твоя алчность привела нас к этому берегу. Мы сражаемся за тебя, бесстыжая морда, чтобы вернуть честь тебе и твоему братцу, который не сумел удержать в спальне свою жену...

Теперь уже Менелай делает шаг вперед и хватается за меч. Воины и владыки стягиваются к тому или иному герою, и круг распадается на три части: на тех, кто будет драться за Агамемнона, тех, кто будет драться за Ахиллеса, и тех вокруг Одиссея и Нестора, кто настолько возмущен, что готов убить обоих спорщиков.

— Мы с моими людьми отплываем! — кричит Ахиллес. — Обратно во Фтию. Лучше утонуть, возвращаясь домой без добычи с поражением, чем оставаться здесь и позорить себя, наполняя кубок Агамемнона и завоевывая ему добычу!

— Скатертью дорога! — орет Агамемнон. — Дезертируй на здоровье! Я тебя сюда не звал. Ты великий воин, Ахиллес, да что с того? Это дар богов, а не твоя заслуга. Ты любишь сражения, кровь и резню, так забирай своих раболепных мирмидонцев и капись! — Он сплевывает.

Ахиллес буквально трясется от негодования. Он явно разрывается между искушением повернуться, забрать своих людей и навсегда покинуть Илион и желанием прирезать Агамемнона, точно жертвенную овцу.

— Но знай, Ахиллес... — Агамемнон внезапно понижает голос, однако его жуткий шепот отчетливо слышен сотням собравшихся, — Хрисеиду я отдам, раз уж бог этого требует, но заберу вместо нее твою Брисеиду, дабы все видели, насколько Агамемнон выше вздорного мальчишки Ахиллеса!

Тут Ахиллес окончательно теряет голову и уже не на шутку хватается за меч. На этом бы «Илиада» и закончилась: смертью Ага-

мемнона, или Ахиллеса, или обоих, ахейцы отплыли бы домой, Гектор дожил бы до глубокой старости, а Троя простояла бы тысячу лет, возможно затмив славу Рима. Как нарочно, в этот миг за спиной Ахиллеса возникает Афина.

Я ее вижу. Ахиллес оборачивается с перекошенным лицом и тоже ее видит. А вот прочие — нет. Я не понимаю эту технологию избирательной невидимости, но она работает и у меня, и у богов.

Эй, погодите-ка, дело не только в невидимости... Бессмертные опять остановили время. Это их излюбленный способ общения со своими любимчиками без лишних свидетелей. Я такое видел всего несколько раз. Рот у Агамемнона раскрыт, брызжащая слюна застыла в воздухе, но ни звука не слышно; челюсть замерла, не дрогнет ни единый мускул, темные глаза не моргают. И так же застыли все остальные в кругу. Над головами зависла белая чайка. Волны взметнулись, но не разбиваются о берег. Воздух сгустился, будто сироп, а мы в нем — точно мухи в янтаре. Двигутся в этом остолбенелом мире лишь Афина Паллада, Ахиллес да я, когда чуть заметно подаюсь вперед, ловя каждое слово.

Ахиллес по-прежнему сжимает меч, наполовину вынутый из мастерски сработанных ножен, однако богиня схватила его за длинные волосы и силой развернула к себе. Теперь он не смеет извлечь клинок, ведь это значило бы бросить вызов богине.

Однако глаза Ахиллеса пылают полубезумным огнем, и он кричит в густой, тягучей тишине замороженного времени:

— Почему? Почему сейчас? Почему ты явилась ко мне сейчас, богиня, дочь Зевса? Чтобы посмотреть, как Агамемнон меня унижает?

— Покорись! — говорит Афина.

Если вы еще не встречали богинь, что я могу вам сказать? Только то, что они выше смертных (в буквальном смысле: в Афине футов семь роста, не меньше), а также намного красивей. Предполагаю, тут не обошлось без нанотехнологий и лабораторий по модификации ДНК. В Афине женственная прелесть сочетается с божественной властью и абсолютной силой, какую я и вообразить не мог до того, как возвратился к жизни под сенью Олимпа.

По-прежнему держа Ахиллеса за волосы, она запрокидывает ему голову, заставляет его отвести взгляд от замершего Агамемнона с приспешниками.

Содержание

Благодарности	9
От автора	11
1. Илионская равнина	13
2. Холмы Ардис. Ардис-Холл	17
3. Илионская равнина	22
4. Близ Коннемарского хаоса	31
5. Ардис-Холл	38
6. Олимп	47
7. Централ Коннемарского хаоса	61
8. Ардис-Холл	74
9. Илион и Олимп	83
10. Парижский Кратер	92
11. Илионская равнина	105
12. Над поясом астероидов	120
13. Сухая долина	139
14. На низкой марсианской орбите	159
15. Илионская равнина	165
16. Южное полярное море	173
17. Марс	185
18. Илион	202
19. Золотые Ворота в Мачу-Пикчу	218
20. Море Тетис на Марсе	238
21. Илион	243
22. Берег равнины Хриса	262
23. Техасский секвойевый лес	281
24. Илион. Индиана. Олимп	293
25. Техасский секвойевый лес	305
26. Между каньоном Эос и каньоном Копрат в восточно-центральной части долин Маринера	319
27. Илионская равнина	334

28. Средиземный бассейн	345
29. Расщелина Кандор	355
30. Лагерь ахейцев. Берег Илиона	366
31. Иерусалим	379
32. Шатер Ахиллеса	384
33. Иерусалим и Средиземный бассейн	392
34. Побережье Илиона. Индиана	399
35. 12 000 метров над плато Фарсида	405
36. Средиземный бассейн	418
37. Илион и Олимп	429
38. Атлантида и орбита Земли	445
39. Олимп, Илион и снова Олимп	456
40. Экваториальное Кольцо	465
41. Гора Олимп	472
42. Олимп и Илион	479
43. Экваториальное Кольцо	485
44. Гора Олимп	493
45. Илионская равнина. Илион.	497
46. Экваториальное Кольцо	506
47. Ардис-Холл	512
48. Илион и Олимп	520
49. Экваториальное Кольцо	525
50. Илион	532
51. Экваториальное Кольцо	540
52. Илион и Олимп	544
53. Экваториальное Кольцо	548
54. Илионская равнина и Олимп	554
55. Экваториальное Кольцо	560
56. Илионская равнина	566
57. Олимп	570
58. Экваториальное Кольцо	575
59. Илионская равнина	581
60. Экваториальное Кольцо	585
61. Илионская равнина	595
62. Ардис-Холл	602
63. Олимп	608
64. Ардис-Холл	614
65. Индиана, 1200 г. до н. э.	622
Действующие лица	627
Примечания. <i>Е. Доброхотова-Майкова</i>	630

Симмонс Д.

С 37 Илион : роман / Дэн Симмонс ; пер. с англ. Ю. Моисеенко. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 640 с. — (Звезды новой фантастики).

ISBN 978-5-389-21479-8

Современный классик Дэн Симмонс — прославленный автор «Террора», «Друда» и «Пятого сердца», фантастической эпопеи «Гиперион» / «Эндимион», «Темной игры смерти» и «Лета ночи», лауреат и финалист почти сотни престижных литературных наград в самых разных жанрах («Хьюго», «Небьюла», Всемирная премия фэнтези, премия имени Брэма Стокера, премия журнала «Локус», премия имени Артура Кларка, премия Британской ассоциации научной фантастики, а также многие другие, в том числе японские, немецкие, французские, итальянские, испанские награды). В дилогии «Троя», составленной романами «Илион» и «Олимп», он наконец вернулся к жанру, прославившему его в начале карьеры, — масштабной космической оперы со множеством аллюзий из классической литературы. Здесь разумные роботы-моравеки, отправившись от лун Юпитера исследовать аномальную квантовую активность Марса, обсуждают в пути сравнительные достоинства Шекспира и Пруста; здесь олимпийские боги, пользующиеся всеми чудесами нанотехнологии, отправляют воскрешенных ученых-схолиастов наблюдать за ходом Троянской войны; здесь постлюди оставляют на Земле всего миллион человек, и вот в имение Ардис-Холл, намереваясь соблазнить юную Аду, прибывает некий собиратель бабочек...

Перевод публикуется в новой редакции.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-45

Литературно-художественное издание

ДЭН СИММОНС
ИЛИОН

Ответственный редактор Александр Гузман
Редактор Екатерина Доброхотова-Майкова
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Наталья Бобкова, Валентина Гончар
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 05.08.2022. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 40.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3 «А».
www.pareto-print.ru

Y-KNF-38426-01-R